

ИЗ ДАЛЬНИХ

СТРАНСТВИЙ

Сергей Десницкий. Разница, конечно, есть. Но сказать, что такой график был для нас невыносимо тяжелым, я не могу, к тому же я люблю напряженную работу. Просто сама организация театрального дела и требования к актерам там совершенно другие. У нас можно себе позволить прийти на репетицию неготовым, сославшись на нездоровье, на плохую погоду, на что угодно, а там это все в расчет не принимается.

Елена Кондратова. Но зато и к актерам отношение иное: мы всегда выходили на полностью подготовленную площадку, и показ спектакля в Тринити-колледже был организован идеально четко. Так что в этом смысле там никакой нервозности нет.

— Помимо репетиций и спектаклей вы еще преподавали в Тринити-колледже. Насколько, на ваш взгляд, принципы русской театральной школы заинтересовали американских студентов?

С. Д. Судя по тому, что весь наш курс был прослушан от начала до конца, интерес к русскому театру у них большой. Ведь система обучения в университетах и колледжах в Америке иная, чем у нас: там студенту предлагается несколько курсов, и он сам волен выбирать, что ему слушать. На нашем курсе было семнадцать человек, из которых только четверо собирались стать актерами, а остальные — философами, экономистами, историками, но им всем, наверное, было просто любопытно. — Они с таким никогда не сталкивались.

— То есть базы нет никакой, и вам приходилось практически начинать с нуля?

С. Д. Абсолютно. К нашему пониманию театра они совершенно не подготовлены. Изобразить, показать — это пожалуйста, а вот прожить, про-

В течение месяца артисты Театра «У Никитских ворот» Елена Кондратова и Сергей Десницкий работали в Америке. Из этой поездки они привезли в Москву спектакль по пьесе Лэнфорда Уилсона «Причуды Тэлли», репетиции которого полностью проходили в Хартфорде. Там же русские актеры провели практический курс по системе Станиславского со студентами Тринити-колледжа и сыграли несколько спектаклей, в том числе премьеру «Причуд Тэлли» и постановки русской классики — «Даму с собачкой» А. Чехова и «Мастера и Маргариту» М. А. Булгакова.

— Репетиции, занятия, спектакли. Не слишком ли много для одного месяца? Нередко наши актеры жалуются на непривычно тяжелый и напряженный режим работы, принятый как в Европе, так и в Америке. А вы почувствовали разницу в самом принципе работы в русском и американском театре?

АМЕРИКАНЦЫ ЛЮБЯТ ТЕАТР. «НО СТРАННУЮ ЛЮБОВЬЮ»

существовать — нет.

— Внешняя техника и «школа представления» в чистом виде?

С. Д. Да, а ведь мы вели занятия по системе Станиславского и взяли для работы «Три сестры» А. П. Чехова. И, конечно, перестроиться и попытаться понять природу русской актерской школы нашим студентам было очень трудно.

— А вам не кажется, что вы и сами излишне усложнили задачу: при таком отсутствии подготовки, наверное, невозможно представить себе что-нибудь более трудное, чем чеховские пьесы с их полутонами и подтекстами?

С. Д. Так глубоко мы не «копали», для этого действительно не было никакой возможности. Занимались в основном этюдами и брали простые ситуации: скажем, «день рождения», как ведут себя люди на дне рождения и так далее. Главную свою задачу видели в том, чтобы помочь американцам почувствовать своеобразие русского театра и русской культуры.

— А вы сами ощутили различие русской и американской культур: было ли для вас сложным переключение на работу с американским режиссером и американскими студентами, смогли ли вы принять стилистику американского театра, и удалось ли вам что-нибудь посмотреть при таком насыщенном графике работы?

С. Д. Мы видели один спектакль Джошуа Картера — режиссера, с которым работали. Это современная американская пьеса, проблемы, в ней затронутые, от нас очень далеки, и при плохом знании английского языка воспринимать спектакль было довольно трудно. Посмотрели мы и шекспировского «Ричарда III» в одном из театров Хартфорда. Спектакль яркий, интересный, чувствуется высокая театральная культура и в постановочном решении и в оформлении. Но временами это зрелище мне напоминало худшие спектакли театра соц. реализма: в построении массовых сцен, военных эпизодов совпадения абсолютные.

Е. К. Театр очень профессиональный, сильный, крепкий, но, на мой

взгляд, несколько архаичный. Хотя там есть замечательные актеры, в частности, исполнитель главной роли — Ричард III — известный бродвейский актер. Только потом мы узнали, что он почти совсем глухой, и тем не менее прекрасно играет, внешняя техника великолепная.

С. Д. И все равно — это совсем другой театр, непривычный для нас. Спектакль идет больше месяца каждый день, иногда и по два раза в день. Естественно, что при таком режиме работы играть всерьез, так, как привыкли мы, они не могут.

Е. К. Да, их эмоции не опускаются ниже уровня шеи, никто и не стремится хоть немножко копнуть себя изнутри — это просто не входит в их задачу.

— То есть, тот же «театр представления», но не в нашем, «вахтанговском», смысле, где представление соединяется с переживанием.

Е. К. Нет, могу это сказать как выпускница вахтанговского училища, в американских постановках я такого синтеза не увидела.

— Естественно, что для ваших студентов, воспитанных на таком театре, спектакли, показанные вами, были живым воплощением тех принципов русской театральной школы, о которых вы им говорили на занятиях.

Е. К. В какой-то степени, наверное. Одна девочка с нашего курса сказала: «Я не думало о сюжете, мне было интересно наблюдать ваше актерское исполнение, то, как вы переходите из одного состояния в другое, мне хотелось обнаружить тот стержень, который все это соединяет и держит».

— А каково, на ваш взгляд, в целом отношение американцев к театру?

Е. К. По-моему, очень уважительное, как к зрителям, так и к создателям спектакля. Мне, например, очень понравилось, что при входе в зал всем бесплатно раздают программки, которые в нашем представлении и программками назвать нельзя — это буклеты, большие иллюстрированные журналы, где буквально о каждом исполнителе подробно написано, где он работал, что играл, когда пришел в эту труппу. Именно о каждом, вплоть до актера массовой сцены. Может быть, это норма, но мы к такому не привыкли. И зрители воспринимают спектакль с

очень большой эмоциональной отдачей. Поэтому мне кажется, что американцы любят театр.

С. Д. ...«но странную любовь». Да, зал действительно полон, хотя мы были не на первых спектаклях, и публика очень живо реагирует. Но все-таки отношение к театру совсем иное. Для русского человека театр — это потребность какого-то откровения, общения, которого он лишен в жизни.

Е. К. Особенно сегодня, мне кажется, театр должен быть каким-то чистилищем, убежищем. В него идут, чтобы получить для своей души что-то теплое, доброе, чтобы внутренне расслабиться, или, наоборот, сконцентрироваться, чтобы стать сильнее, мужественнее в нас, как теперь принято говорить, тяжелое время.

С. Д. А в Америке — это просто часть развлекательной программы, своеобразного шоу. И так воспринимаются даже серьезные драматические спектакли, такие, как «Ричард III». Именно на это изначально настраивает режиссура, на это идет зритель, от любого сценического представления ожидающий зрелища, которое любопытно смотреть.

— Больше для глаза, чем для души.

С. Д. Да, глядя на разворачивающееся перед тобой действо, остаешься совершенно равнодушным. Словом, совсем другой театр. Хотя, конечно, он, как и везде, разный, и нельзя сказать, что все спектакли однотипны. Так, в Америке очень распространены студенческие театры, и их очень много, они есть почти при каждом университете. Причем это не самодеятельность в нашем понимании, а серьезные, профессионально работающие коллективы. Например, один из них открывал сезон чеховскими «Тремя сестрами».

— Вы играли спектакли для разнородной публики: для американских студентов и для русских эмигрантов. Восприятие, наверняка, было неодинаковым?

Е. К. И эмигранты воспринимали по-разному. Так, про «Причуды Тэлли» один из наших зрителей сказал, что это ему напоминает анекдот, который можно сыграть за пятнадцать минут, а другой, наоборот, удивлялся тому, что в американскую бродвейскую пьесу актеры вложили русскую душу. А когда мы в Бостоне играли «Мастера и Маргариту» в только что

созданном музее Марины Цветаевой, к нам в маленькую комнату после спектакля пришли две женщины, и одна просто сказала: «Я — из Москвы», а другая — «Я — из Ленинграда, можно, я до вас дотронусь», — такие вот были щемящие моменты. И, конечно, много расспрашивали о том, как теперь в Москве, причем интересовали их конкретные мелочи и частности: все ли так, как было, там же ли находится памятник Пушкину, как теперь называются улицы.

— Вы встречались с эмигрантами разных поколений?

С. Д. Да, были люди, которые всю свою сознательную жизнь прожили в Америке, и те, кто уехал тридцать лет назад, пятнадцать, пять лет назад, полгода, два месяца. Но, как мне показалось, они в общем-то мало отличаются друг от друга. Разным может быть уровень жизни: один живет лучше, другой хуже, третий просто плохо. Но все равно психологически они все ущербны, потому что лишены корней, они вырваны из своей земли и посажены пусть даже в очень хорошую почву, но она для них не годится, поэтому они вянут.

— Даже если вместе, в своем кругу?

С. Д. Дело в том, что там меняется и сам принцип общения, даже внутри самих эмигрантов. Общение предполагает определенный расход, и эмоциональный и финансовый, а там все относится к этому очень бережно: прежде, чем что-либо потратить, человек долго думает, взвешивает — а стоит ли. Потому отношения перестают быть подлинно дружескими, официальные, приятельские — да, но тесной дружбы, надежности — уже нет. Каждый в своей коробочке, за своими дверями.

— А что в этой поездке произвело на вас самое сильное впечатление?

С. Д. Природа. Природа просто фантастическая. Причем мы попали в самое замечательное время — осенью. У нас — золотая осень, а там — красная. Сочетания цветов совершенно потрясающие!

Е. К. Я никогда нигде не видела такого количества белок, как в Тринити-колледже, они прыгают, как воробы, и совершенно не боятся людей. Потом у меня осталось в памяти постоянный запах только что скошенной травы, там все время стригут лужайки, как около Тринити-колледжа, так и около своих домов.

С. Д. Но все равно, несмотря на всю эту красоту, у меня все время было чувство, что все это чужое.

— Но ведь есть, наверное, и что-то общее: обычно все говорят о березках.

С. Д. И березки есть, все есть, но они какие-то другие, все другое.

Е. К. Природа похожа на российскую, но все как-то крупнее, ярче. И еще у меня было какое-то поразительное ощущение остановившегося времени. Может быть, потому, что там очень хорошо налажен быт, нет суеты, к которой мы привыкли, нет наших проблем.

С. Д. И все возможно, все доступно, все всех устраивает. Наверно, поэтому у меня осталось двойственное впечатление от Америки: страна очень красивая, но какая-то скучная, именно потому, что сытая, не голодная, причем во всех смыслах: не только в физическом, или физиологическом, но и в духовном. Они сыты, их все устраивает.

— А американцев, с которыми вы общались, интересовала наша жизнь?

С. Д. Да, нам задавали иногда очень смешные, на мой взгляд, вопросы. Когда мы немножко рассказали о том, как мы живем, один мальчик спросил: «если вы так живете, почему вы такие добрые и веселые, почему вы все время улыбаетесь?»

Беседу вела
Марина ПАНАЕВА.

● «Причуды Тэлли». В ролях Елена Кондратова и Сергей Десницкий.

Фото М. Гутермана.

12.1.95.
Кондратова Елена
52